

ЯЗЫК НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА ВЯТСКОГО РЕГИОНА: СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© 2016 г.

Валерий Михайлович Бухаров^{a, @},
Ольга Владимировна Байкова^b

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация; ^b Вятский государственный гуманитарный университет, Киров, 610008, Российская Федерация; [@] vabukharov@gmail.com

Статус и вектор развития диалектов немецкого языка в России — фундаментальный вопрос не только российской диалектологии, но лингвистики островных диалектов вообще. В статье рассматривается группа малоизученных немецких диалектов Вятского региона, которые занимают особое место в диалектологии, поскольку они прошли через волну искусственного смешения вынужденных переселенцев в середине XX в. Результатом этого являются кодовые переключения, сбой и смешения переключений в речи носителей этих диалектов.

Ключевые слова: немецкие островные диалекты Вятского региона, переключения, сбой и смешения кодов, российские немцы, языковые контакты

THE LANGUAGE OF GERMAN NATIONAL MINORITY IN VYATKA REGION: STATUS AND PERSPECTIVES

Valeriy M. Bukharov^{a, @}, Olga V. Baykova^b

^a National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; ^b Vyatka State University of Humanities, Kirov, 610008, Russian Federation; [@] vabukharov@gmail.com

The status and the vector of development of German dialects in Russia are an issue of fundamental importance not only for Russian dialectology but also for linguistics of island dialects in general. The article examines an under-investigated group of the Vyatka region German dialects, which occupy a special place in dialectology, for they experienced artificial mixing in the mid-twentieth century as a result of their speakers' being forced into exile. This results in code switching, failures and mixing of switching in the speech of people using these dialects.

Keywords: failures and mixing in code switching, German island dialects of the Vyatka region, language contacts, Russian Germans

1. Введение

В современном языкознании большое внимание уделяется проблематике форм существования языков. Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению и структурированию языкового континуума, эта проблема до сих пор остается актуальной. Особенно это касается комплекса вопросов, связанных с описанием форм существования языковых островов, лежащих вне основного ареала распространения языка. Подобные языковые образования распространены и на территории Кировской области, части бывшей Вятской губернии. Будучи в силу своего географического положения и исторического развития

многонациональным регионом России, она всегда характеризовалась большим многообразием взаимодействующих языков, что делает ее интересным и важным объектом для комплексных лингвистических и социокультурных исследований.

Относительно недавно, в начале 1990-х годов, произошел всплеск академического интереса к проблеме взаимосвязи языка и говорящего на нем социума, вызванный большой озабоченностью языковедов судьбой языков национальных меньшинств как в России, так и в Европе. Это связано не только с отмиранием и исчезновением малых языков вследствие глобализации и массовой миграции последних десятилетий, но и с судьбой языковых островов, исторически оторвавшихся от основного ареала распространения и пришедших в последние годы в движение. Большой поток исследований на эту тему привел к возникновению новых направлений в языкознании, таких как миграционная, экологическая лингвистика и др. Судьба малочисленных языков, их сегодняшнее бытование и будущее — это, без сомнения, не только лингвистический, но и один из важнейших идеологических и политических вопросов, так как язык — ключ к познанию мира и места человека в нем.

Данная проблема в полной мере относится к судьбе немецких островных диалектов в России и СНГ, изучение которых имеет давние традиции. Важность исследований в данной сфере неоспорима, так как фиксация самобытной языковой картины мира современных российских немцев дает возможность сохранить ее как важный компонент совместного культурного наследия Германии и России. Термин «российские немцы» (*Russlanddeutsche*) имеет, скорее всего, немецкие корни. Сейчас все большее распространение получает обозначение «этнические немцы» (*ethnische Deutsche*), поскольку оно включает в себя то обстоятельство, что многие переселяющиеся в Германию немцы являются выходцами не только из России, но и из других государств бывшего СССР.

Как известно, в России до настоящего времени сохранились отдельные регионы, языковые острова, в которых проживают этнические немцы. Их предки переселились из Германии в Россию во второй половине XVIII — начале XIX в. Современное состояние диалектов многих из этих островов стало объектом многочисленных исследований, см., например, [Смирницкая, Баротов 1997; Москалюк 2000, 2014; Байкова 2008] и др. Однако существуют и такие поселения российских немцев, которые в силу ряда обстоятельств были мало известны и языковая специфика которых до недавнего времени не была исследована. К ним относятся, например, бывшие спецпоселения Верхнекамского района Кировской области, т. е. поселения депортированных немцев. Здесь возникла уникальная форма языка, которая при беглом ознакомлении напоминает скорее креолизированный язык, чем немецкий. Однако в сознании носителей этого языка, как показывают опросы, именно немецкий язык остается родным [Байкова 2009: 194]. Еще большую связь с немецкой первоосновой демонстрируют культурные обычаи и традиции населения этих поселков, которые практически не подверглись смешению с русскими традициями.

Таким образом, языковая ситуация этого немецкоязычного региона характеризуется, как показывают наблюдения, противоречием между сильным интерферирующим воздействием иноязычного (русского) окружения и тенденцией к сохранению немецкой идентичности. Это означает, что для описания специфики этой формы немецкого языка в Вятском регионе недостаточно исследования только его системных и нормативных языковых особенностей. Любая форма языка, претендующая на статус самостоятельного элемента национального языка, обладает своим лингво- и социокультурным пространством, что предполагает необходимость его специального рассмотрения.

2. Немецкое лингво- и социокультурное пространство в Вятском регионе

Первые упоминания о немцах на территории Вятской губернии содержатся в архивных документах XVII в., где неоднократно встречаются фамилии Немчинов, Немчин и т. п. Появление немцев было связано преимущественно с развитием в крае фабричной и заводской

промышленности, которая требовала специалистов высокой квалификации. Однако вплоть до XX в. немецкие мигранты не селились компактно, работали в разных городах и поселках, т. е. общение на немецком языке ограничивалось рамками семьи.

Мало изменилась ситуация и в связи с появлением на Вятке военнопленных во время Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны. Через Вятскую губернию проследовали в Сибирь десятки тысяч военнопленных, большинство из которых после окончания военных действий уехали на родину. Этим лингво-социокультурная ситуация немецкого языка на Вятке в конце XIX в. отличалась от регионов компактного проживания немцев на Волге и в Украине, где к этому периоду уже сформировались центры немецких переселенцев с культурными, религиозными и образовательными учреждениями. Население Поволжья группировалось, как правило, вокруг поселений с одной диалектной доминантой. Однако уже на начальном этапе формирования языковых сообществ возникали как следствие производственных и семейных связей междиалектные общие формы языка: «общий язык», койне, *Gemeinsprache* по терминологии В. М. Жирмунского [1976: 500, 507]. Эти новые формы языка постепенно вытесняли исторические диалекты, пришедшие в XVIII в. вместе с первыми переселенцами из различных регионов Германии.

Массовое появление немцев в Вятской губернии было связано со Второй мировой войной. Сюда были сосланы более 100 000 пленных солдат и офицеров из воюющих стран. Многонациональные и, соответственно, многоязычные группы военнопленных из разных стран были размещены в лагерях, рабочих батальонах и работали вместе с местным населением в леспромпхозах, на строительстве железнодорожных и автомобильных дорог, жилья и объектов социально-культурной сферы. Многонациональный состав военнопленных не способствовал формированию компактных групп, объединенных по этническому и языковому признакам. Кроме того, в начале 50-х гг. прошлого столетия начался процесс их возвращения на родину.

Фактическое начало формирования постоянных немецкоязычных центров на Вятке было связано с вынужденным переселением и депортацией российских (точнее, советских) немцев после Указа Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья от 28 августа 1941 г. Депортация осуществлялась под предлогом наличия среди них «5-й колонны» — диверсантов и шпионов, которые по команде из Германии должны были совершать террористические акты. Следствием депортации тех лет были не только поломанные людские судьбы, но и безжалостно деформированный исторически сложившийся комплекс традиционной этнокультуры.

С осени 1945 г. до начала 1947 г. в Кировскую область попадает еще одна группа российских немцев — вывезенные из Германии «немцы-репатрианты», многие из которых добровольно (однако нередко и принудительно) отходили обратно на родину вместе с отступавшими вооруженными силами нацистской Германии с территории СССР. Таким образом, после Второй мировой войны и отъезда военнопленных именно депортированные и репатриированные немцы составили основное число жителей в 19 спецпоселках Кировской области. Так, по данным 1951 г. в 12 районах области находились 8893 спецпоселенца, из которых немцы составляли свыше 70% (6696 человек, 2246 семей). Необходимо отметить, что спецпоселения, в которых проживали только депортированные и репатриированные российские немцы, имелись во всех северных районах Кировской области [Байкова 2008: 20—25]. До конца войны немцы содержались в спецпоселениях без права выезда в другие районы и были задействованы на тяжелых работах в так называемой трудовой армии.

В 1955 г. спецпоселенцы были в основном освобождены и вскоре получили паспорта, однако им запретили возвращаться в те области, откуда они были высланы, и требовать возврата конфискованного имущества. Лишь в 1964 г. было признано, что обвинения против немецкого населения страны были несправедливыми. Однако текст Указа был опубликован только в «Ведомостях Верховного Совета СССР», и в нем снова подчеркивалась «забота партии и правительства» о немцах. Было заявлено, что они обосновались в местах спецпоселений основательно и «нецелесообразно» разрушать сложившиеся экономические

зоны. Это был фактически запрет на выбор места жительства. К 1974 г. с учетом детей от смешанных браков в Кировской области оставалось около 1500 немцев [ГАСПИ КО: 3—30]. Таким образом, депортация, трудармия и спецпоселения играют в истории российских немцев Кировской области ключевую роль. Сложно переоценить масштаб их влияния на жизнь немецкого населения в данном регионе как во время войны, так и в послевоенные годы. Особенно сильному воздействию подвергался, безусловно, родной язык переселенцев, поскольку основной формой его существования были диалекты, связанные с различными региональными языками бывших языковых островов СССР. С учетом того, что диалектные острова были исторически сформированы из носителей разных диалектных групп, как нижне-, так средне- и верхненемецких, язык новых языковых социумов Кировской области характеризовался, по сути, двойным диалектным членением. С одной стороны, это были диалекты, уже пережившие первый период смешения исходных диалектов, описанный В. М. Жирмунским [1976: 535—538], с другой, на фоне вторичного диалектного смешения 40-х — 50-х гг. XX в. формировались хронологически «новые» диалектные образования, включающие в себя элементы генетически разнородных языковых форм.

Процесс формирования «новых диалектов» можно наблюдать и в основном ареале немецкого языка. Там этим термином обозначаются формы языка более широкого регионального охвата и, соответственно, с большими функциональными возможностями, чем у каждого из входящих в него по отдельности исторических диалектов. Новые диалекты могут иметь в своей основе несколько исторических территориальных диалектов. Как правило, это связано с изменениями в социально-политическом и/или экономическом статусе той или иной провинции. Катализатором возникновения новых диалектов в ареале немецкого языка в Европе предстает воздействие на них стандарта и его национальных вариантов [Бухаров 1995]. В отличие от них немецкие диалектные острова, находящиеся в бывшем СССР в полной изоляции от основного ареала, утрачивают связь со стандартной формой языка. На фоне их смешения в сферу исключительно бытового семейного общения наблюдается дестандартизация сохранившихся фрагментов общеобиходных наддиалектных форм языка. Особенно отчетливо это наблюдается в Вятском регионе, специфика которого состоит в отсутствии влияния стандарта, так как только довоенное поколение могло получать школьное и даже высшее образование, слушать радио и читать газеты на стандартном немецком языке, т. е. воспринимать диалект через призму стандарта, как, например, в Республике немцев Поволжья, а не наоборот.

Результатом принудительного переселения в середине прошлого столетия явилось объединение немцев из различных регионов бывшего СССР по национальному, а не по языковому (диалектному) признаку. При этом, естественно, возникла ситуация, когда ранее относительно автономные диалекты начали смешиваться. Немецким языком нельзя было пользоваться на официальном уровне, и лишь в быту он продолжал оставаться средством общения. Даже в школах как иностранный язык нередко преподавался английский. Все это вело к тому, что в условиях совместного проживания в одном поселении нескольких групп носителей различных немецких диалектов и постоянного русскоязычного окружения требовалось выработать коммуникативные коды, которые должны были служить как междиалектному, так и межязыковому общению немцев и русскоязычного населения.

Подводя итог рассмотрению специфики немецкого лингво-социокультурного пространства в Вятском регионе, можно сделать следующие выводы.

Появление основной части немецкого населения в Вятском регионе связано с принудительным переселением из мест довоенного компактного проживания. Переселенцы приносили с собой уже частично смешанные диалекты в виде общих форм разговорного немецкого языка, которые еще сохраняли первичные признаки немецких диалектов. Процессы смешения в вятских поселениях приняли еще более интенсивный характер, поскольку в контакт вступали языковые формы прежде удаленных друг от друга диалектных островов.

Вследствие новой волны смешения в языке переселенцев появляются общие наддиалектные формы, ср. процессы в новых диалектах основного ареала. Но при этом в диалектах

Вятского региона влияние стандарта ослабевает вплоть до исчезновения. Более того, можно говорить о том, что здесь запускается процесс дестандартизации. Этому способствует во многом более сильное, чем в прежних местах проживания, влияние русского языка: уже нет школ, театров, радио, газет на немецком языке, нет немецкоговорящей администрации. Хаотичное смешение разнородных диалектов на достаточно замкнутой территории в сочетании с уходом немецкого языка в узкую сферу бытового общения сопровождается давлением русского языка, доминирующего во всех коммуникативных ситуациях вне бытового общения, что несет в себе опасность создания предпосылок для перерождения диалектов в креолизованные языковые формы.

Таким образом, рассмотрение языковой ситуации в Вятском регионе распространения немецкого языка ставит вопрос о том, в какой мере немецкие диалекты этого языкового острова сохраняют присущие им системные свойства и насколько велика угроза их распада в современных условиях существования. Ответ на этот вопрос имеет важное значение не только для островных языковых общностей, но и для многих языков малых народов, живущих в иноязычном окружении.

3. Специфика функционирования немецких диалектов в Вятском регионе России

На территории России сохранился ряд немецких диалектных островов бывшего СССР, особое место среди которых в силу социально-исторических условий их существования занимают диалекты Кировской области. Для рассмотрения специфики их функционирования были использованы материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций в шесть поселков Верхнекамского района Кировской области (Созимский, Черниговский, Лесной, Рудничный, Чус, Ожмегово), проведенных с 1999 по 2011 г. сотрудниками Лаборатории экстралингвистических исследований Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) под руководством О. В. Байковой. Полученные материалы были включены в банк данных и представляют собой аудиозаписи речи 26 информантов в объеме 50 часов и их транскрипцию, а также опросные листы с вопросами социолингвистического характера. Аудиоархив содержит языковой материал, который состоит из рассказов информантов о своей жизни, текстов на свободную тему, перевода 40 предложений с литературного немецкого языка на диалект по стандартной анкете Г. Венкера [DiWA] и перевода 200 отдельных словосформ с литературного немецкого языка на диалект по анкете В. М. Жирмунского [Архив РАН: 1—24]. Весь аудиоматериал был оцифрован и прошел обработку в Лаборатории экспериментально-фонетических и перцептивных исследований языков различного типологического строя ВятГГУ (научный руководитель О. В. Байкова), Лингвистической лаборатории немецкого семинара университета имени Альберта Людвига г. Фрайбурга, Германия (научный руководитель П. Ауер) и в Лаборатории акустики речи Нижегородского государственного лингвистического университета (научный руководитель В. М. Бухаров). Полученные данные включены в звуковой фонд записей устной речи жителей Кировской области конца XX — начала XXI в. Лаборатории экстралингвистических исследований ВятГГУ, в акустическую базу данных по диалектам архива звучащей речи Рурского университета г. Бохума (Германия) и были использованы в настоящей статье.

Первым этапом анализа языковой ситуации в регионе было рассмотрение ответов информантов на вопросы о роли и месте немецкого языка в их жизни. Материалы анкетирования показали, что современная языковая ситуация в Кировской области характеризуется диглоссией российских немцев, которая реализуется по-разному в различных возрастных группах.

Для старшей группы населения (свыше 60 лет) типично активное немецко-русское двуязычие, так как большинство российских немцев этой группы владеют в относительно равной степени и немецким и русским языками. При этом русские жители региона не владеют немецким языком и не стремятся к этому, поэтому можно говорить об одностороннем двуязычии. Естественный характер двуязычия немецкого населения обусловлен, с одной

стороны, их постоянными контактами с русским языком в процессе совместной деятельности и, с другой, стремлением сохранить родной немецкий язык как средство общения. Следует отметить также субординативный характер этой формы двуязычия, т. е. порождение смешанных высказываний, что связано с тем, что российские немцы используют в зависимости от конкретной языковой ситуации попеременно либо свой диалект, либо русский язык. Кодовые переключения следует поэтому считать характерологическим признаком речи этой возрастной группы немцев рассматриваемого региона.

Для представителей средней и младшей возрастных групп населения (30—40 и 20—30 лет соответственно) характерно пассивно-активное немецко-русское двуязычие с тенденцией к активному русскому моноязычию. Это свидетельствует о том, что общение в молодежной среде все реже предполагает необходимость обращения к немецкому языку за пределами семьи, состоящей, как правило, из трех поколений.

Анализ причин, по которым этнические немцы Кировской области прибегают к использованию немецкого языка в тех или иных коммуникативных ситуациях, позволил установить ряд факторов, влияющих на этот выбор. Наиболее частотными оказались возраст и образование: представители старшего поколения посещали в детстве и юности немецкие национальные школы в местах компактного проживания до переселения и сохраняют свои родные диалекты, пользуются ими в повседневном общении. Следующим по частотности фактором стали семейные обстоятельства: в моноэтнических немецких семьях диалект сохраняется в большей мере, в смешанных браках предпочтение отдается русскому языку. Для старшего поколения определенную роль играет гендерная принадлежность: женщины чаще отдают предпочтение немецкому языку; у молодежи это обстоятельство отмечается лишь в единичных случаях.

Таким образом, рассмотрение специфики функционирования немецкого языка в Вятском регионе показало его принадлежность к билингвальному комплексу. Это значит, что структура речи местных жителей, «вятских немцев», — реализация динамической системы, находящейся в постоянном взаимодействии двух и даже трех систем одного или двух немецких диалектов и русского языка, служит источником варьирования в речи. Механизм этого варьирования представлен различного рода кодовыми переключениями. Все это, однако, еще не дает ответа на вопрос, являются ли немецкие языковые вариации в Вятском регионе самодостаточными диалектами, образующими соответствующий диалектный остров, или же это остатки языковых форм, потерявших связь с исторической основой и мало или вообще не сопротивлявшихся иноязычному давлению.

Процессы вымирания языков наблюдаются в самых разных регионах на нашей планете. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к Атласу языков, находящихся под угрозой исчезновения (*Atlas of the world's languages in danger*), подготовленному и опубликованному при поддержке правительства Норвегии под эгидой ЮНЕСКО [Moseley 2010]. Этот атлас содержит информацию о 2500 языках, находящихся под такой угрозой, из которых 230 уже исчезли за последние 50 лет. По заданию ЮНЕСКО в 2002—2003 гг. были разработаны девять критериев для оценки жизнеспособности языков. Оценка по каждому из критериев определяется выраженностью того или иного фактора в диапазоне от 0 (*extinct*) до 5 (*safe*).

Недостаток этой системы оценки заключается в том, что не все параметры могут быть формализованы и описаны количественно, поэтому за каждым фактором жизнеспособности скрывается не столько количественная, сколько качественная описательная оценка, в соответствии с которой можно говорить только о тенденциях, а не о ее количественном выражении. Тем не менее эти критерии оценки показали свою эффективность на материале описания сотен языков мира и поэтому были использованы в качестве методологической основы для оценки жизнеспособности языка немецкого национального меньшинства в Вятском регионе России. Ниже приводятся результаты анализа языковой ситуации в Вятском регионе на основе данных критериев.

1. Первым фактором оценки жизнеспособности языка является возможность его передачи от одного поколения к другому. Немецкий язык в Вятском регионе уже не используется

в семьях всеми поколениями и не осваивается всеми детьми как родной язык — его используют в основном представители старшего поколения (бабушки и дедушки), родители часто понимают язык, но редко пользуются им для общения. Все это соответствует уровням 3–/2+ реализации данного фактора, т. е. *definitively* или *severely endangered* (определенная, серьезная угроза исчезновения).

2. Абсолютное число говорящих на языке. Этот фактор трудно поддается однозначной интерпретации. В случае с языком российских немцев наблюдается резкое сокращение его носителей за относительно короткое время. С исторической точки зрения все произошло одновременно в 90-е гг. прошлого столетия. Для оценки этого фактора были взяты данные переписи населения в конце 80-х гг. перед началом массового переселения немцев в Германию. В целом во всех республиках СССР проживали в тот период свыше 2 000 000 этнических немцев. По данным специального демографического исследования эмиграция немецкого населения составила к 2000 г. почти 80% [Савоскуп 2006]. Примерно такая же ситуация наблюдается и в немецких поселениях Вятки: из 6700 человек в 1951 г. осталось к настоящему времени около 1400, т. е. сокращение составило также 80%. В 50-е гг. прошлого столетия доля немецкого населения составляла 0,35% от общего населения Кировской области, а сейчас — чуть больше 0,1%. В отдельных немецких поселках Кировской области проживают всего по 100—200 человек. Все это свидетельствует о резком снижении жизнеспособности языка, которую можно оценить близкой к уровню 1 — *critically endangered* (критическая угроза исчезновения).

3. Доля активно владеющих немецким языком в составе общей группы национального немецкого меньшинства региона — еще один важный фактор жизнеспособности языка. Точные данные по этому параметру получить очень сложно, поскольку исследователи могут отгаливкаться только от заявлений опрошенных без возможности их перепроверки. Тем не менее с учетом того, что в опросах указывается, что дети активно владеют немецким языком только в единичных случаях и что на немецком языке к ним обращаются преимущественно даже не родители, а бабушки и дедушки, этот параметр вряд ли можно оценить выше 1 или 2: очень мало говорящих или меньшинство, т. е. уровень жизнеспособности близок к критической или серьезной угрозе.

4. Сферы использования и функциональные возможности языка также составляют значимый фактор жизнеспособности языка. Параметры этого фактора распределяются от возможности универсального использования и мультилингвального паритета до ограниченного использования и полного исчезновения. Ситуация в немецких языковых островах характеризуется нередко как би- или мультилингвальная. Однако билингвизм Вятского языкового острова характеризуется не паритетом, а отчетливым доминированием русского языка. Немецкий язык предстает слабым партнером в этой паре языков, поскольку сфера его функционирования не выходит за пределы семьи и близкого круга друзей. Во всех других ситуациях общения требуется русский язык. Таким образом, данный фактор жизнеспособности немецкого языка в Вятском регионе можно оценить на уровне 1 (очень сильное ограничение сфер употребления и функций) или 2– (ограниченное использование в отдельных функциях).

5. В качестве критерия, свидетельствующего об адаптации языка к развитию социума, рассматривается фактор его использования в СМИ и новых сферах общения (Интернет, смс и проч.), соответствующих требованиям времени. Поскольку немецкий язык в рассматриваемом регионе используется преимущественно старшим поколением, то его участие в общении в новых сферах коммуникации и СМИ можно оценить в лучшем случае как минимальное (1) или даже нулевое (0 — *inactive*).

6. Существенным фактором в оценке жизнеспособности языка считается наличие письменности и письменных материалов. Возможность письменной коммуникации была у российских немцев только до Второй мировой войны, особенно в Поволжье, где имелись не только школы, но и вузы с преподаванием на немецком языке. В наши дни в Кировской области эта возможность отсутствует. Положительное значение имеют различного рода курсы, в том числе организованные с помощью немецких организаций и фондов. Их число,

однако, не столь значительно, чтобы можно было говорить о существенном воздействии на общую ситуацию. Навыками стандартной орфографии, как показывают записи ответов на анкеты, владеют единицы опрошенных; литературные произведения на немецком языке здесь не создавались и не публиковались. Все это позволяет определить степень наличия этого фактора на уровне 2: письменность на языке известна, но письменные материалы, тексты и документы используются лишь эпизодически.

7. Положительное значение для выживания языка имеет государственная поддержка. Она была существенной в довоенное время, но фактически прекратилась с началом войны. Сейчас вряд ли можно говорить о каких-либо серьезных государственных программах поддержки немецкого языка в регионе. Тем не менее имеются возможности для развития традиционных форм национальной культуры и творчества. Статусом государственного языка в регионе, однако, обладает только русский, что ведет к ускоренной ассимиляции немецкого языка, и значение этого параметра вряд ли можно оценить выше единицы.

8. Фактор отношения носителей к немецкому языку в регионе выражен неоднозначно. С одной стороны, он характеризуется предпочтительным использованием у старшего поколения, с другой, родной язык присутствует в определенной степени в общении между представителями различных поколений в моноэтнических немецких семьях. Положительное воздействие на отношение к немецкому языку оказала появившаяся с начала 90-х гг. возможность не только выехать в Германию, но и совершать туда обычные поездки к родственникам и знакомым (а также ставшие возможными визиты родственников и знакомых из Германии в Кировскую область). Все это оживило ситуацию с использованием языка и, соответственно, повысило заинтересованность в овладении им. Это позволяет рассматривать данный фактор как некритически опасный для существования языка (3). Отношение немецкого социума к своему языку характеризуется тем, что достаточно многие его носители признают необходимость поддержки его существования, но многие, в то же время, индифферентны к этой проблеме.

9. Фактор качества лингвистического материала на и о языке лишь отчасти приложим к немецкому языку Вятского региона. Такие материалы издаются преимущественно в Германии и доступны всем желающим. Это могло бы позволить определить уровень данного фактора как безопасный (5), если бы не было нейтрализовано описанными выше факторами. Данный критерий ЮНЕСКО имеет значение прежде всего для языков малых народов, проживающих на своей исторической территории в постоянном соседстве с другими, нередко доминирующими языками. Для немецкого языкового острова в Вятском регионе в силу истории его формирования в XX в. этот признак следует признать irrelevantным.

Таким образом, анализ факторов, свидетельствующих о безопасности или угрозе существованию немецкого языка в Вятском регионе, показал, что большинство их находится в зоне серьезной угрозы с тенденцией к смещению в сторону критической опасности. Исчезновение языка из речевой практики ослабляет систему языка и открывает ее для проникновения иносистемных единиц контактирующего сильного языка, в связи с чем возникает вопрос: является ли новое состояние языка результатом разрушения его системы, ведущей к его исчезновению, или же немецкий язык в Вятском регионе России еще сохраняет самодостаточную систему, но с большим числом кодовых переключений, заимствований и других форм смешения с русским языком, характерных для диглоссии.

4. Диглоссия и кодовые переключения в немецком языке Вятского региона

Диглоссия рассматривается обычно как сосуществование двух диасистем в сознании говорящих. Это могут быть идиомы, характерные для гетерогенных обществ — языки или диалекты, которые в силу исторических причин достаточно длительное время используются различными этносами. Этим естественная диглоссия отличается от владения двумя языками в результате изучения одного из них как иностранного. Вопросы диглоссии

регулярно попадают в центр внимания лингвистических исследований, как правило, в связи с изучением этно- и лингвополитических сдвигов в социумах. Современная эпоха выдвигает на первый план вопросы сосуществования, переплетения и развития языков в новых условиях. Об этом свидетельствует появление фундаментальных исследований на огромном количестве эмпирического материала самых различных языков, в том числе и новых (пре)пиджин и креолизированных систем коммуникации, которые оформились в направление, получившее обозначение *Ideolinguistics*, см. о нем, например, [Reutner 2005].

Немецкий язык в дореволюционной России, а затем и в СССР не развивался, в отличие от классических контактных языков, в сторону формирования на базе окружающего языка так называемого смешанного или креолизованного языка, который взял бы на себя все или почти все функции общения, а приспосабливался к функционированию в рамках постоянно сужающихся сфер общения в зависимости от внешних социально-политических условий. Исходя из этого, можно выдвинуть **гипотезу** о том, что, во-первых, немецкий язык в Вятском регионе все еще сохраняет статус самодостаточного языка в системе немецко-русской диглоссии и, во-вторых, межсистемные смешения и переключения остаются на уровне диалектов, тогда как между диалектными и наддиалектными формами немецкого языка они отсутствуют.

Речевая деятельность билингвов характеризуется обычно наличием кодовых переключений (*code switches*), под которыми понимают переходы говорящих в процессе билингвального общения с использования средств одного языка на другой. Это, однако, не означает последовательной смены одного языка другим, как, например, в процессе перевода, — в отличие от переводчика билингв не планирует точку перехода. Переход с одного языка на другой, как показывают экспериментальные исследования на материале различных языков, осуществляется автоматически, см., например, [Macnamara, Kushnir 1971: 486]. Тем не менее точки этих переходов не носят случайного характера. Они совпадают, как правило, с точками естественных «переломов» (*breaking points*), допускаемых синтаксическими и морфологическими нормами исходной системы [Appel, Muysken 2005: 81].

Необходимо различать два основных вида переключений: переключения внутри одного языкового уровня и переключения в процессе многоязычной коммуникации с кода одного языка на код другого. В качестве примера первого типа кодовых переключений можно рассмотреть переключения на фонетическом уровне в немецком языке Вятского диалектного острова.

Немецкие диалекты Вятского региона принадлежат генеалогически к двум максимально противопоставленным диалектным ареалам — нижне- и верхненемецкому, в которых в результате отрыва от основного этнического массива сформировался целый ряд фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, обусловленных внутренними законами их развития. Вместе с тем, структура этих диалектов долгое время подвергалась и продолжает подвергаться воздействию со стороны русского языка, что приводит к интенсивным процессам их выравнивания и унификации.

Изучение сегментного фонологического уровня позволило установить 20 гласных звуко-типов, присутствующих во всех исследуемых диалектах региона, 15 из которых образуют дистинктивные оппозиции. В них не были обнаружены фонемы, характерные только для одной группы диалектов и отсутствующие в другой. Другими словами, искусственное смешение диалектов привело за несколько десятилетий к формированию общей или промежуточной фонологической системы. Эта система включает в себя оппозиции по следующим дистинктивным признакам, совпадающим с дистинктивными признаками стандартной системы немецкого языка [Бухаров 1995]:

- i. **ряд:** передний /i:/, i, e:/, e, ě:/, e:/, средний /a:/, a, â:/ и задний /o:/, o, ô:/, u:/, u/;
- ii. **подъем:** высокий /i:/, i, u:/, u/, средний /e:/, e, ě:/, e:/, e, o:/, o, ô:/ и низкий /a:/, a, â:/;
- iii. **степень расщепления:** открытые /a, a:/, â:/, e:/, e, i, o, u/ и закрытые /i:/, e:/, e, ě:/, o:/, ô:/, u:/.

Отличие смешанной фонологической системы рассматриваемых островных диалектов от стандартной заключается в отсутствии в ней противопоставления лабиализованных

и нелабиализованных гласных переднего ряда типа /i ~ u/ и появлении оппозиции по признаку **назализации** как фонологического свойства, а не произносительной специфики. Этот признак установлен у трех реализаций: /ã:, ê:, ô:/. Источником этой оппозиции могут быть южнонемецкие диалекты, например, баварский или швабский, где назализация широко распространена.

Особый функциональный статус в смешанных диалектах получает оппозиция по длительности. В стандарте современного немецкого языка этот признак считается релевантным только для двух оппозиций открытых гласных: /a: ~ a/ и /ε: ~ ε/. Во всех остальных случаях он избыточен, поскольку все остальные пары гласных фонем различаются качественно. В смешанных диалектах Вятского региона отмечено наличие противопоставления по этому признаку и у пары закрытых гласных /ε: ~ ε/. Подобное противопоставление наблюдается в южнонемецком регионе Германии, в Австрии и Швейцарии, где противопоставление открытых и закрытых гласных группы [ε] включает в себя до шести единиц. Процессу расширения состава фонологических оппозиций гласных переднего ряда среднего подъема может способствовать и наблюдающаяся в северных нижненемецких диалектах реализация открытого /ε:, ε/ как [ε], например, в словах типа *Mädchen* ‘девочка’. Детальному описанию фонетического варьирования реализации фонологических оппозиций немецкого языка в различных регионах его распространения посвящена работа В. М. Бухарова [1995]. Таким образом, фонетические процессы в разнородных по своему происхождению диалектах при их сосуществовании в рамках языкового острова на начальном этапе их контактирования представляют собой кодовые переключения, т. е. регулярные включения фонем одного диалекта в систему другого. Однако в силу тесного сосуществования разносистемных диалектов на относительно небольшой территории результатом таких переключений становится появление в них новых оппозиций, общих для разных диалектов.

Подсистема дифтонгов представлена в диалектах региона 13 единицами в отличие от трех в стандарте. В исследуемом материале было установлено девять ротовых /iə, uə, ui, əa, əi, əu, oi, ou, ai/ и четыре назализованных дифтонга /eã, ôi, ôu, âi/. Все эти дифтонги, как и в стандарте, монофонемны, что проявляется в их акустической структуре, типичной для дифтонгов длительности, моносиллабичности, отсутствии сильного приступа у второго компонента и невозможностью морфемных швов между компонентами. Все дифтонги кроме /ai/ соответствуют разным диалектным вариантам, корни которых лежат в средненемецком периоде, т. е. в XIV — XVI вв., и не прошли изменений, характерных для более позднего периода. Варианты подобной реализации дифтонгов можно наблюдать и в некоторых современных немецких диалектах в основном ареале, однако в языковом острове они сохранились фактически без изменения, см., например, [Бухаров 1991].

Различия в системах согласных в рассматриваемых диалектах связаны в основном с характером реализации в них второго передвижения согласных. Отклонения от правил передвижения носят эпизодический характер. О смешанном характере диалектов свидетельствует преимущественно соседство таких фонетических процессов, как нижненемецкая спирализация интервокальных взрывных согласных [b > v (w), g > j, g > x, ç] и южнонемецкий тип реализации консонантных кластеров *sp, schl, rch* и др.

Таким образом, в рассматриваемых диалектах, с одной стороны, выявлена тенденция к объединению фонологических систем и выравниванию фонологических оппозиций и, с другой, установлены общие и различительные признаки реализации звуковых типов, участвующих в кодовых переключениях, которые свидетельствуют о том, что языковые системы диалектов сохраняют определенную устойчивость, несмотря на продолжительные контакты друг с другом. Однако уход от диахронической праосновы ведет к взаимонаправленным проникновениям фонологических систем и становлению смешанного характера рассматриваемых диалектов на сегментном уровне.

Кодовые переключения второго типа — это полный переход с реализации одной системы языковых средств на другую на всех ее уровнях в процессе коммуникативного акта. В реальной коммуникации такие переключения наблюдаются достаточно редко, поскольку

они зависят от целого ряда обстоятельств. Прежде всего, это связано с уровнем коммуникативной компетенции на родном (сильном) языке и неродном (слабом) языке окружения. Понятия «сильного» и «слабого» языка при этом весьма относительны. Длительное проживание в чужом языковом окружении и связанное с этим ограничение функциональных возможностей родного языка приводит к тому, что в нем появляются иносистемные элементы, некоторые из которых даже адаптируются системой принявшего их языка. При этом встает вопрос, как отделить кодовое переключение от других сопровождающих его явлений межязыкового взаимодействия.

Момент переключения — это точка в речевой цепи, в которой код одного языка заменяется другим, и высказывание делится на кодовые блоки. Блоки характеризуются наличием в них нормативных реализаций большинства системных единиц всех уровней. Анализ протоколов записей информантов, полученных в Вятском регионе, показал, что место точки переключения кодов зависит от речевой ситуации и тематики коммуникации. Кодовые переключения осуществляются как внутри синтаксических конструкций, так и на фразовых границах. Количество кодовых переключений внутри высказывания может быть различным и зависит от темы общения и коммуникантов. Однако внутри почти каждого блока наблюдаются кодовые сбои и смешения. Под сбоем понимается прерванная попытка начала нового перехода на другой язык, в результате которой говорящий возвращается к исходному коду. Кроме кодовых сбоев наблюдаются кодовые смешения в виде межязыковых фонетических, лексических и грамматических замен. Эти замены могут носить характер заимствований и уподоблений единиц одного кода другому.

Рассмотрим пример монологического высказывания информанта — женщины-немки, проживающей в одном из поселков Кировской области. Она рассказывает о событиях начала 40-х гг. прошлого века, в которых ей пришлось участвовать. Ее детство прошло в довоенное время, когда немецкий язык в местах компактного проживания его носителей был полифункциональным средством общения. Информант рассказывает о начале депортации в Вятский регион¹; полный протокол записи см. в [Байкова, Оношко 2013: 59—60].

<#CS0_r> ...*Hu, потом, к вечеру все равно, мы к... ближе, ну как к* *¹*линия опять, [1] kamen dicht an die* *²*линия, haben gestand... und Zug lange, всё* *³*военный Technik. И мы близко и просили* *⁴*им, ну, нас не обидели, я не могу сказать. Это солдаты и нас посадили. Ну, мы спр... мы гово... им просили: он следовал до нашей* *⁵*станция, или нет. Они сказали: да.* <CS1_d> *⁶*Haben wir aufgesetzt und in* *⁷*Nacht kamen wir* *⁸*zu Hause. Und wir waren drei Tage zu Hause. Nachdem dann sie uns g... gegeben... [2] вот, высылать, высылать. Потом мы оттуда, ну, что, nehmen... genommen haben, was man dran konnte, und dann haben wir bis* *⁹*станция eingefahren. Und dort hat man uns eingeladen diese* *¹⁰*Waggone, wo... <CS2_r> набито, набито было. Ну, э... по-русски, телячи* *¹¹*вагона. Поняла? И там я... э... <CS3_d> fahr... sind wir gefahren* *¹²*ein Monat nach* *¹³*Karagанду, und dort haben die* *¹⁴*э... быки gestanden an* *¹⁵*d... станция. [Интервьюер: Ochsen?]. Osen [смеется].* *¹⁶*Und haben sie uns gefahren [3] no дерев... дерев(н)ям. Ну, мы waren weit nach Karaganda. [4] Ну вот, а мама... gelebt* *¹⁷*etwas bis dreiundvierzig. Und dann haben sie uns wiedergenommen, und von dort sind wir geschickt hierher. So leben* *¹⁸*мы hier... <#CSF>*

В рассматриваемом примере зафиксированы три точки переключения кода и, соответственно, четыре блока. Блок <#CS0_r-CS1_d> открывает высказывание женщины, адресованное русскому интервьюеру-женщине, хорошо владеющей немецким языком. Для высказывания такого рода характерно использование русского кода в его начальной части, поскольку он открывает разговор с малознакомым русскоговорящим человеком, даже если тот владеет немецким языком. Точка перехода к немецкому коду совпадает с границами

¹ В транскрипции текста приняты следующие обозначения: <CSn_l> точка переключения кодов (code switch), ее номер и доминирующий языковой код (l): r — russisch (русский), d — deutsch (немецкий); [n] — точка сбоя в переключении и ее номер; <#CS0> — начало текста и <#CSF> — конец. Для обозначения элементов кодовых смешений используются надстрочные символы типа: *ⁿмы.

двух фраз, однако это не означает, что синтаксис играет определяющую роль в вопросе переключения. Более того, две последующие точки перехода свидетельствуют о том, что синтаксис если и имеет значение для места кодового переключения, то оно в лучшем случае факультативно. Решающую роль в смене кода играет тематическая прогрессия, то есть переключение кода носит когнитивный характер.

Блок <#CS0_r> содержит описание ситуации на железнодорожной станции, в центре которой общение с русскими солдатами. Завершение этой темы и переход к ситуации, связанной только с немецкими соотечественниками, сопровождается переходом на немецкий код в блоке <CS1_d>. Далее происходит переход на русский язык <CS2_r>: в середине фразы после союза *wo* следует пауза [...] и затем несколько русских фраз, которые можно объяснить появлением реалии, для которой нет эквивалента в немецком языке — *телячьи вагоны*. Точка возвращения к немецкому языку <CS3_d> также находится в середине фразы, поскольку потребность в русском языке для использования соответствующей русской реалии отпала. Этому переходу вновь соответствует пауза, отображенная в транскрипции.

Таким образом, точки перехода с одного кода на другой не соотносятся с синтаксическим строем высказывания на том или ином языке, но являются отражением когнитивного процесса порождения высказывания и связаны скорее со сменой выражаемых в речи концептов, а не с синтаксической структурой. Можно поэтому предположить, что речь билингов проходит через двойное кодирование и содержит на выходе следы взаимодействия кодов, степень проявления которых зависит от степени владения обоими языками.

Факт двойного кодирования подтверждают довольно часто встречающиеся кодовые сбои, свидетельствующие о том, что в процессе порождения высказывания на каком-либо коде возникают моменты, когда говорящий, выбирая между единицами одного кода, отдает предпочтение другому, но сразу же возвращается к прежнему. Причины сбоев могут быть разными, например, неуверенность в продолжении и повторение сказанного на другом языке: *мы к... ближе, ну как к линия опять*, [1] *kamen dicht an die линия...* В рассматриваемом примере это единственный сбой с русского кода на немецкий. Типичны сбои с немецкого на русский вследствие неоднозначности выбора продолжения [2, 3]. Начало подобных сбоев на русский код сопровождается, как правило, русскими оборотами типа *вот, ну, ну вот* [2, 4] и т. п.

Двойное кодирование отражается и в виде смешения фонетических, грамматических и лексических единиц. В рассматриваемом примере отмечено 18 таких случаев. В первую очередь, это связано с близкими по значению и сходными по звучанию в разных языках словами, например: *линия* (1, 2), *станция* (5, 9, 15). Они употребляются в русском тексте во всех случаях без падежных окончаний, как соответствующие немецкие существительные женского рода: *Linie*, *Station*. Немецкое слово *Technik* (3) заменило русское *техника*, сменив при этом грамматический род с женского на мужской, поскольку для русского языка не характерно отсутствие гласного окончания *-а* у существительных женского рода.

К числу кодовых смешений относятся такие грамматические отклонения в немецком языке, как отсутствие артикля у существительных, например, *...in Nacht kamen wir...* (7) или порядок слов: *Haben wir aufgesetzt...* (6), *Und haben sie uns gefahren...* (16); смешение именительного и винительного падежей (12). На лексическом уровне смешения проявляются как в использовании русских слов в немецком высказывании, так и в калькировании моделей словосочетания. Например, информант использует русские географические названия, сохраняя их грамматическую форму: *nach Караганду* (13) или включает в немецкий текст русские личные местоимения: *So leben мы hier* (18). В качестве примера лексического калькирования можно привести словосочетание *etwas bis dreiundvierzig* (17) ‘примерно до сорок третьего’ (вместо немецкого *bis etwa dreiundvierzig*).

Анализ аудиофонда позволил расширить перечень кодовых смешений, сопровождающих включение русских слов в немецкий язык в Вятском регионе. Наиболее частотными смешениями в фонетической области являются:

- i. количественная редукция конечных безударных слогов по немецкой модели в заимствованных русских словах: *kontor* ‘контора’;
- ii. заимствование оппозиции «сильный (fortis) ~ слабый (lenis)» и замена ею русского противопоставления «глухой ~ звонкий»: фортисное произнесение с оглушением звонких согласных в заимствованных русских словах: *torokə* ‘дорога’; ослабление с озвончением согласного [s] в середине слова: *kəzɪlka* ‘косилка’, *pənzi:a* ‘пенсия’, *pəzɪlka* ‘посылка’;
- iii. замена аффрикаты /tʃ/ в начале слова на щелевой согласный /ʃ/: *ʃəmədoun* ‘чемодан’, *ʃənək* ‘чайник’;
- iv. появление согласного [j] между гласными немецкого бифонемного сочетания /io/ как результат регионального фонетического процесса русского языка: *ʃpijone* ‘шпионы’;
- v. нейтрализация оппозиции палатализации согласного /l ~ l’/: *tolkə* ‘только’, *polnitsa* ‘больница’, *bolʃə* ‘больше’.

Кодовые смещения на морфологическом уровне:

- i. появление у заимствованных в немецком языке русских существительных артиклей в соответствии с грамматическим родом заимствованного русского слова: *dr prədsəta:təl* ‘председатель (м. р.)’, *tə bā:nja* ‘баня (ж. р.)’;
- ii. оформление множественного числа имен существительных по аналогии с немецкими соответствиями. Например, суффикс -n: в словах типа *tə partiə* ‘партия’ — *tə partiən* ‘партии’, ср. нем. *die Partei — die Parteien*;
- iii. оформление инфинитива и причастия русских глаголов по немецкой модели: *gəlaɪən* ‘гулять’, ср. нем. *spazieren*, *gəmutʃt* ‘замучен’, ср. нем. *ermordet*.

Наиболее частотные кодовые смещения в синтаксисе:

- i. проникновение в немецкий язык свободного — русского — порядка слов: *viə hā:m ghairət ən sozəmskom* ‘мы поженились в Созимском’, *iç ha:bə g(ə)arbəit ən bətri:b krənəfʃəkom* ‘я работала на заводе крановщиком’;
- ii. нарушение рамочной конструкции в предложениях со сложным сказуемым: *iç ben gbo:ra n ja:r nuintsəhondrfɪfontsvantsəç* ‘я родилась в 1925 году’;
- iii. элиминация двусоставности немецких предложений за счет выпадения глагола-связки: *fve:rs tʰeɪdə* ‘тяжелые времена’, ср. нем. *Es sind schwere Zeiten*;
- iv. высокая частотность синтаксической редупликации: *vər hā:m ɪmər jəarvət, jəarvət, jəarvət* ‘мы постоянно работали, работали, работали’, которая встречается в немецком языке в аналогичных ситуациях значительно реже;
- v. полиотрицание: *ich war ne ni dort* ‘я не был(а) там никогда’, ср. нем. *Ich war dort nie*.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что следствием принудительного переселения российских немцев в Вятский регион стало формирование нового немецкого диалектного острова, характерной особенностью которого является двойное членение языкового материала, определяемое, с одной стороны, наложением друг на друга разнотипных диалектов, сопровождаемым снижением функциональной нагрузки и сужением сфер применения и, с другой, усилением интерферирующего воздействия русского языка. Результатом этих процессов стало значительное увеличение кодовых переключений, их сбоев и смещений как в рамках отдельных уровней языка, так и в коммуникации в целом, которые привели к заметным сдвигам на всех уровнях языковой структуры. Это позволяет говорить о появлении признаков формирования промежуточной системы — *interlanguage*, не совпадающей ни с родным немецким, ни с неродным русским языком, выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию и означает возможность его креолизации. Однако то обстоятельство, что в последние годы происходят большие изменения

в социокультурном ландшафте страны, в том числе и в регионах проживания этнических немцев, этот вывод требует дополнительных социолингвистических исследований с привлечением корпусных технологий.

5. Заключительные замечания

Выявленные языковые особенности в речи представителей немецкого «языкового острова» в Вятском регионе и их систематизация свидетельствуют об особом статусе этой этноязыковой группы. Российские немцы рассматриваемого региона образовали новое языковое сообщество с уникальной субструктурой, не имеющей аналогов как на исторической родине, так и среди других немецких языковых островов: это сообщество прошло специфический путь развития, обусловленный особыми социальными и языковыми условиями. Уникальность языка исследуемого немецкого этнического меньшинства характеризуется, прежде всего, смешением разнородных диалектов в иноязычном окружении. Таким образом, язык российских немцев Вятского региона представляет собой итог формирования специфического регионального варианта немецкого языка, отличающегося от других немецких островных диалектов и исконных диалектов Германии многократным принудительным смешением при интенсивном воздействии со стороны русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Архив РАН — Архив СПб отделения РАН. Фонд 1001. Опись 1. Ед. хр. 38. [*Arkhib Sankt-Peterburgskogo otdeleniya RAN* [Records of the St. Petersburg department of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1001. Inventory 1. Item 38.]
- Байкова 2008 — Байкова О. В. Современное состояние немецких говоров Кировской области и особенности их системы вокализма. Киров: Изд-во ВятГУ, 2008. [Baikova O. V. *Sovremennoe sostoyanie nemetskikh govorov Kirovskoi oblasti i osobennosti ikh sistemy vokalizma* [The current status of German dialects in the Kirov region and the characteristics of their vowel system]. Kirov: Vyatka State Univ. for the Humanities Publ., 2008.]
- Байкова 2009 — Байкова О. В. Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции. Киров: Изд-во ВятГУ, 2009. [Baikova O. V. *Nemetskie ostrovnye dialekty v usloviyakh yazykovoi interferentsii* [German insular dialects under the conditions of language interference]. Kirov: Vyatka State Univ. for the Humanities Publ., 2009.]
- Байкова, Оношко 2013 — Байкова О. В., Оношко В. Н. Речь российских немцев Кировской области. (Звучащая хрестоматия, 15.) СПб: Бохум, 2013. [Baikova O. V., Onoshko V. N. *Rech' rossiiskikh nemtsev Kirovskoi oblasti. (Zvuchashchaya khrestomatiya, 15.)* [Speech of the Russian Germans of the Vyatka region (Audio reader)]. St. Petersburg: Bochum, 2013.]
- Бухаров 1991 — Бухаров В. М. Роль диалектов в истории становления произносительных норм германских языков // Проблемы истории индоевропейских языков. Тверь: Изд-во ТГУ, 1991. Т. 1. С. 165—168. [Bukharov V. M. The role of dialects in the formation of pronunciation norms in the Germanic languages. *Problemy istorii indoevropskikh yazykov*. Tver': Tver' State Univ. Publ., 1991. Vol. 1. Pp. 165—168.]
- Бухаров 1995 — Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. [Bukharov V. M. *Varianty norm proiznosheniya sovremennogo nemetskogo literaturnogo yazyka* [Variants of the Modern Standard German pronunciation norms]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Univ. Publ., 1995.]
- ГАСПИ КО — Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Фонд 1290. Опись 70. [*Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Kirovskoi oblasti* [State records of the social and political history of the Kirov region]. Fund 1290. Inventory 70.]
- Жирмунский 1976 — Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. [Zhirmunsky V. M. *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad: Nauka, 1976.]
- Москалюк 2000 — Москалюк Л. И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. [Moskalyuk L. I. *Sotsiolingvisticheskie aspekty rechevogo povedeniya rossiiskikh nemtsev v usloviyakh bilingvizma* [Sociolinguistic aspects

- of speech behavior of the Russian Germans in the situation of bilingualism]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Univ. Publ., 2000.]
- Москалюк 2014 — Москалюк Л. И. Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 55—66. [Moskaljuk L. I. German «language islands» in Altai Krai. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 3. Pp. 55—66.]
- Савоскуп 2006 — Савоскуп М. С. Российские немцы в Германии // Демоскоп Weekly. 2006. № 243—244. Доступен по адресу: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> [Savoskup M. S. The Russian Germans in Germany. *Demoskop Weekly*. 2006. No. 243—244. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>]
- Смирницкая, Баротов 1997 — Смирницкая С. В., Баротов Н. А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб: Изд-во РАН, 1997. [Smirnitskaya S. V., Barotov N. A. *Nemetskie govory Severnogo Tadjikistana* [German dialects of Northern Tadjikistan]. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Publ., 1997.]
- Appel, Muysken 2005 — Appel R., Muysken P. *Language contact and bilingualism*. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2005.
- DiWA — Digitaler Wenker-Atlas (Elektronische Ressource). Available online at: <http://www.diwa.info>
- Macnamara, Kushnir 1971 — Macnamara J., Kushnir S. L. Linguistic independence of bilinguals: The input switch. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1971. Vol. 10. No. 5. Pp. 480—487.
- Moseley 2010 — Moseley C. (ed.). 2010. *Atlas of the world's languages in danger*. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing. Available online at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>
- Reutner 2005 — Reutner U. *Sprache und Identität einer postkolonialen Gesellschaft im Zeitalter der Globalisierung*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.01.2015.